

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

.....

Л. И. Никовская¹

В статье рассматриваются вопросы развития гражданского общества в современной России и проблемы его влияния на процессы системной модернизации.

Ключевые слова: гражданское общество, модернизация, партнерство, демократия, социальный капитал.

Article investigates some questions concerning the Civil society progress in contemporary Russia and problems of its impact on system modernization processes.

Key words: civil society, modernization, partnership, democracy, social capital.

Заявленный руководством страны курс на модернизацию общества требует привлечения значительных ресурсов, в том числе и активизации потенциала граждан, структур гражданского общества. Как отметил Президент России Д. А. Медведев, слабость демократических институтов и структур гражданского общества на современном этапе развития страны служит одним из препятствий её модернизации. Мировая практика реализации модернизационных проектов свидетельствует о том, что одним из условий их успешности является наличие социальных сил, способных стать инициаторами и проводниками перемен.

Обращение к истории многократных полуудачных российских попыток модернизации показывает, что для нашей страны традиционен подход к реформам в стиле однобоких преобразований сверху, эффективность которых неуклонно падает. Всестороннее обновление российского общества может состояться лишь при активной поддержке и участии гражданского общества, полноценное формирование которого само является частью искомой модернизации (отвечает задачам накопления социального и человеческого капитала). В частности, без энергичного участия структур гражданского общества невозможно сколько-нибудь серьезно ограничить разъедающую

---

¹ Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Эл. почта: nikovsky@inbox.ru

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ №10-03-00109 «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

страну коррупцию, способную сорвать любые попытки модернизации. Только развитое гражданское общество может стать прочной базой демократии, без которой будет невозможно сломать все преграды на пути решительной модернизации России.

В условиях глобализации и информационного взрыва мир вступил в новую ступень цивилизационного развития, что не могло не отразиться на существенных характеристиках в системе гражданского общества: резко возросла эмансипация личности от государства, сократилось пространство его командного воздействия, произошло энергичное развитие и усложнение горизонтальных социальных связей, сплетение многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть. Это предопределило поиск адекватных моделей взаимодействия государственных структур и гражданского общества в рамках представительной демократии. Именно в это время в западной мысли наблюдается колоссальный интерес к концепту публичной политики, поскольку исторически публичная политика возникла на волне дискуссии о повышении эффективности государственного управления и, самое главное, расширении возможностей участия гражданского общества в политическом процессе. Так, английский исследователь Р. Роудсон в своей известной статье «Новый метод управления: управление без правительства» [13, с. 46-63], рассматривая разнообразие смыслов нового метода управления (*governance*), указывает на необходимость поиска новых принципов государственного управления в условиях глобализации, изменения роли государства и общества в развитых странах. Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Перед страной, *стремящейся* перейти на рельсы инновационного типа развития, неминуемо встают задачи размораживания институтов публичной политики, возврата к демократической институциональной среде, поскольку фаза вхождения в стадию постиндустриального развития требует усиления определенных сегментов гражданского общества. Сильные, влиятельные институты гражданского общества являются необходимым условием становления постиндустриального общества, основанного на «экономике знаний», так как одно без другого в мире не наблюдается. В силу этого стратегические задачи системной модернизации российского общества, перехода к инновационному типу развития выдвинули в центр повестки дня вопрос о расширении конкуренции, демократии, повышении качества социального капитала и доверия, а также о взаимодействии органов

власти и гражданского общества. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнёрству и консолидации в интересах формирования институциональной среды и креативной мотивации, способствующих созданию и внедрению инноваций — одно из важнейших условий инновационного типа развития. Важной исследовательской задачей становится выявление взаимосвязи между уровнем и характером развития гражданского общества, публичной политики и особенностями перехода к инновационному типу развития в российских условиях, ибо инновационный технологический и экономический рост, как показывает мировая практика, происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность и высокая степень доверия между властью, бизнесом и гражданскими инициативами [12, с. 16-17].

Технология «управляемой демократии» — особенно в условиях кризиса — исчерпала свои возможности: она оказалась неэффективной в условиях перехода общества к решению задач глубокой системной модернизации. Режим вертикализации власти не привел к повышению управляемости общества, бюрократическая модель властвования в прежнем виде выявила свои системные ограничения. Нынешняя стадия политического развития российского общества являет собой особую конфигурацию административно-централизованных методов управления (регулирования) полем политики и спорадической самоактивизацией остаточных элементов публичного дискурса. Медиапозиционирование нейтральных или благожелательных правящему режиму общественных игроков выдавливает гражданский сектор на глубокую периферию политической системы. Поглощение же институтами крупного капитала всей системы представительства общественных интересов, нарастающая деградация межсекторного сотрудничества и жесткий прессинг властей по отношению к гражданским инициативам привели к тому, что исполнительные структуры, по сути, заменили собой государство, а система представительства гражданских интересов оказалась вытесненной из структуры государственного управления. Понятно, что игнорирование гражданской экспертизы при принятии политических решений качественно сузило вариативность формирования государственной политики, предопределив заданность формирования повестки дня лишь в интересах крупного капитала и высшей госбюрократии. На плечи же гражданского сектора в основном падают издержки и риски такой системы правления. И этот факт убедительно подтвердили результаты антикризисной политики властей за последние два года. Государство, колонизирующее публичную сферу, становится неподконтрольным, а сфера публичных ассоциаций управляемой. Проникновение государства в публичную сферу при такой оценке явно создает неэффективную схему «управляемая публичность — бесконтрольное государство». «Неэффективность здесь создается таким сформированным порядком, который можно определить как «порядок в плохо организованном обществе».

Общим императивом такого порядка выступает несправедливость. Если государство и способно в таких условиях осуществить мобилизацию для развития, то это будет мобилизация без внутренних стимулов, а сформированная легитимность будет поддержкой без доверия. Парализованная публичность и неограниченное государство создают удобные каналы подмены публично-порядка порядком приватным, когда частные интересы поработают и тело государства, и пространство публичности» [7]. Эти структурные деформации поля политики не просто поставили публичный сектор в условия выживания, но и усилили переток общественных ресурсов в пользу наиболее зажиточных слоев. Таким образом, дефицит публичности оказался и показателем нарастания социально-экономических диспропорций. Не стоит и говорить, что результатом такой политики стала массовая демотивация гражданской активности и активизация агрессивных группировок экстремистского толка.

Задачи перехода к системной модернизации, нацеливают на формирование национальной инновационной системы, создают повышенный спрос на функции и услуги, связанные с гражданской экспертизой и гражданским контролем, расширением границ и качества публичной политики, поскольку только последняя позволяет «свежей крови» социальных и гражданских инноваций взломать стагнирующий механизм «управляемой демократии».

Гражданское общество вновь становится предметом повышенного научного и политического внимания по всему миру. Органы власти, международные организации, доноры и организации третьего сектора стремятся развивать гражданское общество в надежде на то, что это поможет демократизации, борьбе с бедностью и накоплению социального капитала. Несмотря на все обращенное к нему внимание, гражданское общество остается «ускользающей концепцией и еще более ускользающей реальностью». Действительно, в отношении понимания гражданского общества существует много очень спорных позиций. Но если «огрубить» и «спрямить» это все многообразие, то на поверхность выпукло выйдут две тенденции трактовки концепта гражданского общества. Одна вырастает из немецкой культурно-философской школы, достигая кульминации у Гегеля и Маркса. Свое дальнейшее развитие эта линия получила в социал-демократической традиции. Гражданское общество признается сердцевинной всей политики, здесь традиционно больше развито стремление к социальной справедливости, равенству. Государство с его властными отношениями должно участвовать в обеспечении функционирования гражданских институтов, чтобы гарантировать их демократическое управление, сдерживая рынок, стремящийся к поглощению и разрушению всего, что несовместимо с его логикой. Этот подход отвергает либеральную идею «государства — ночного сторожа» и подчеркивает, что государство должно быть демократическим и социальным.

Другая — *либеральная* — линия развития концепции гражданского общества центр тяжести переносит на свободу, ставя ее превыше всех ценностей, здесь особый упор делается на функцию саморегуляции гражданского общества, выступающего хранителем индивидуальных прав и свобод, защитником (гарантом) их от посягательств государства. Свободная и независимая личность — это центральная фигура гражданского общества. Сторонники такого подхода свое внимание сосредоточивают на разрушительной энергии государства, способной оказывать деструктивное воздействие на такие институты, как семья, церковь, профессиональные и локальные ассоциации и др., забывая при этом, что и сами институты гражданского общества могут взаимно подрывать друг друга, проявляя экспансионизм (например, рынок). Здесь акцент ставится на примате общественного, апофеозе прав и свобод, ассоциативности и самоорганизации, индивидуалистических ценностных ориентациях. Общественные проблемы решаются гражданами, а государство служит интересам общества и личности. Получив широкое распространение в США, эта концепция укоренилась там, возможно, благодаря тому, что государственным идеалом было самоуправление свободных граждан на свободной земле и сильное недоверие к любой исполнительной власти, которая во время революции ассоциировалась с колониальной администрацией, а бюрократия появилась позже демократии и на ее базе [9].

Таким образом, гражданское общество² как сфера свободного и поливариантного взаимодействия граждан, которые передоверяют государству функцию осуществления общенационального интереса и обеспечения целостности общества, исторически возникло и развивалось как система своеобразной «обратной связи» на различные подсистемы социума, которая выполняла, соответственно, функции коррекции, оптимизации и смягчения форм протекания социальных процессов и взаимодействий. Гражданское общество в первую очередь обращается к способностям граждан, рассматривает общественность как основной политический капитал и говорит на языке практических решений проблемы и укрепления взаимодействия между людьми. Для гражданского общества органической нормой является диалоговый режим общения, партнерство и отношения сотрудничества, многомерность восприятия проблемы и, соответственно, многомерность ее решения (с учетом экономических, экологических, культурных и прочих аспектов), открытость потоков информации и публичность своей позиции, соревновательность интересов, поливариантность ролей и целей и примат горизонтальных, кооперативных связей.

---

² Под гражданским обществом понимается совокупность неполитических отношений (экономических, национальных, духовно-нравственных, религиозных и пр.), область спонтанного самопроявления интересов и воли свободных индивидов и их ассоциаций, огражденная законом от регламентации их деятельности со стороны государственной власти.

Думается, вместо вопросов о наличии или отсутствии гражданского общества продуктивнее с исследовательской точки зрения перейти к вопросам о его характере в России, силе и составе, тенденциях развития. Гражданское общество в России, особенно современное, вышло из административно-командной системы СССР. Оно несет мощный заряд антиэтатизма. По своей сути это не завершенный демократический проект. Это общество еще не консолидировано, но уже сильно стратифицировано.

С точки зрения оптимальных условий своего развития гражданское общество в «путинскую эпоху» находилось в более сложных и трудных условиях, чем прежде. Приход президента Медведева и переход к дискурсу системной модернизации и инновационного типа развития позволил выдвинуть в первом президентском послании Федеральному Собранию в ноябре 2008 г. так называемых 10 политических инициатив, связанных с расширением масштабов и качества народного представительства, возратить интерес к нормам и ценностям демократии и ограничения всевластия политико-государственной бюрократии, которая все больше стала превращаться в оплот и фундамент политической системы российского общества. На заседании Госсовета 22 января 2010 г. эти идеи получили более конкретное развитие, воплотившись в ряд законодательных актов по расширению политической конкуренции и реальной многопартийности [8].

Важной тенденцией в развитии гражданского общества стало то, что в его среде стали нарастать тенденции разъединения организованного, институционально оформленного и «обласканного» властью гражданского общества и неформального, связанного прежде всего с «низовой» гражданской инициативой (т. н. движения «одной проблемы»). Организованное гражданское общество все больше интегрировалось в политическую надстройку и поощрялось сверху. Неформальное возникало снизу и жило по законам выражения наиболее острых проблем простых граждан. Можно особо отметить четыре сферы, в которых неформальные общественные организации были наиболее активны: защита прав обманутых дольщиков, протесты против уплотнительной застройки в крупных городах, борьба за изменение маршрута прибайкальского нефтепровода и движение автомобилистов. Основная часть активистов и руководителей новых неформальных организаций — представители нарождающегося в России среднего класса, отличительные черты которых — обладание собственностью, а также высокий образовательный уровень и преимущественно умственный характер работы. Такого рода сочетание признаков в условиях, когда массово нарушаются конкретные имущественные права (жилищные, автомобильные, земельные и т. п.), приводит с высокой долей вероятности к самоорганизации, коллективным действиям. Это же сочетание черт образа жизни рождает обостренное чувство социальной справедливости в случае ее

несоблюдения, например в экологической сфере, а также стремление к благотворительности.

В России в «путинскую» эпоху утвердилась определенная культура недоверия, или, точнее, «кризис доверия». Россияне почти не видят возможности добиться изменений с помощью гражданской активности, таким образом, отсутствует важнейшая предпосылка для мотивации к гражданскому участию. Многие эксперты указывают на то, что доверие российских граждан внутри общества чрезвычайно мало, что российское общество представляет собой скорее общество индивидуализированное или даже атомизированное. Так, по оценкам Левада-Центра, только 26% из 2000 опрошенных заявили, что они доверяют своим согражданам; почти половина опрошенных отметила, что взаимное доверие с 2003 г. в российском обществе ощутимо уменьшилось [2, с. 18]. К этому виду недоверия добавилось слабое проявление доверия к политической системе, прежде всего вера в возможность участвовать в принятии решений и формирования общезначимой повестки дня развития общества. Многие решения перестали приниматься с учетом мнения даже больших социально значимых групп (проталкивание «сырого» 83-ФЗ — закона о коммерциализации бюджетной сферы, американской модели образования — ЕГЭ, «болонского процесса», которые подвергаются значительной критике со стороны общественности и экспертной среды, и т. д.).

Традиционно российское недоверие к институтам власти в России усугубилось «социальными травмами» от насильственного и разрушительного по результатам внедрения в его тело неолиберальных ценностей. В российском обществе ещё полностью не завершён «реабилитационный период» после «травмы», полученной в 1990-е гг., и новая, объединяющая всех граждан, система ценностей до сих пор не сформирована. Тотальный «кризис доверия» в стране обусловлен, с одной стороны, сильнейшим напряжением адаптационного индивидуализма, позволяющего населению справляться с тяжёлыми проблемами выживания, а с другой стороны, неумолимым действием закона социального сравнения, когда люди отчетливо видят, что их снижающееся благосостояние, нарастающая бедность вполне сочетается с демонстративной роскошью и богатством власть предержащих, живущих по законам «приятельского капитализма». Американский социолог Р.Д. Патнэм, известный специалист по исследованию проблем социального капитала и социального доверия, заметил в отношении России, что «при отсутствии в обществе взаимности и структур гражданской вовлеченности вариант итальянского Юга — аморальная семейственность, клиентела, беззаконие, неэффективное управление и экономическая стагнация — представляется более вероятным исходом, чем успешная демократизация и экономический прогресс. В Палермо просматривается будущее Москвы» [11, р. 288]. Таким образом, «негативный фамализм», фрагментация социальных отношений,

выражающаяся помимо прочего в недоверии к согражданам, сопровождаются в современной России отсутствием доверия к государственным и политическим институтам, от которых люди ждут необходимой поддержки. Эти условия усиливают пассивность граждан. Большой коэффициент доверия президенту (на уровне 60-70%), церкви (на уровне 40-50%), армии (30-40%) являются коррелятами системы, в которой от человека практически ничего не зависит. В таких условиях парадоксальная вера в президента (при тотальном недоверии к патронируемому им государственному аппарату) воспринимается как последний предел надежды и имеет в своей основе нечто нерациональное. Отсюда столь чтимая обществом система «ручного управления», которая иллюзорно компенсирует низкую эффективность всей политической системы, в первую очередь государственного управления.

Другой особенностью последнего десятилетия в развитии гражданского общества стало нарастание имитационных структур рамочного взаимодействия гражданского общества и государственной власти. С 2000 г. российское правительство создало ряд консультативных форумов и структур для развития диалога и сотрудничества с гражданским обществом (сегодня их насчитывается около 52). Так, почти у каждого министерства есть подчиняющийся ему совет. Однако все они работают с разной степенью эффективности. В то время как одни ведомства, например, Министерство экономического развития (Э. Набиуллина), успешно сотрудничают со своим советом, другие остаются герметично закрытыми. Бесспорно, что многие из этих советов делают важную работу. К примеру, Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека является важной структурой, влияющей на принятие определенных решений; деятельность советов при министерствах также направлена на то, чтобы обеспечить доступ к политической системе. Однако такие консультативные структуры не означают априори роста демократической культуры и расширения возможностей гражданского участия. Они всего лишь свидетельствуют о том, что объединенная «экспертократия» все больше отстраняет от принятия решений реальные гражданские движения и инициативы, которые вынуждены в ультимативном порядке, методами «прямой демократии» адресовать свои требования властям (например, защитники Химкинского леса, активисты Архнадзора, экологические организации, сопротивлявшиеся принятию того Лесного кодекса, который привел к уничтожению лесозащитной функции и передаче лесов в частные руки и пр.). Получается, что назначенные, а не избранные Советы консультируют правительство, участвуют в разработке политических программ и дают оценку внешней политики, лишая «силы» демократические легитимные институты и усиливая негативные корпоративистские тенденции в модели взаимодействия государства и гражданского общества. Нарастание в цепочке взаимодействия лояльных, сверху назначенных посредников от гражданского

общества свидетельствует о том, что эпоха равноправного диалога гражданского общества и власти закончилась в период второго президентства В.В. Путина в 2004 г. С этого момента в политическом дискурсе путинского режима стали преобладать концепты «борьба с терроризмом», «национальная безопасность», «стабилизация и управляемость» и чуть позднее — «мировой экономический и финансовый кризис».

В этом ряду особое место занимает Общественная палата РФ (далее — ОП), созданная в 2005 г. Тот факт, что президент Путин объявил о создании ОП РФ в рамках пакета мер по борьбе с терроризмом после теракта в Беслане, не добавило доверия новому институту. Многие эксперты справедливо отмечают, что если бы политическая система хорошо работала, в созданной ОП не было бы необходимости. Иными словами, при сильном парламенте такой институт, как ОП, не нужен. При слабом парламенте Палата не способна ничего добиться. Помимо этого, институциональная структура ОП, процедура ее формирования и сфера компетенции — вопросы сложные. С одной стороны, они разделяют гражданское общество на политически услышанных (члены Палаты) и не услышанных, с другой — искусственно сужают область возможных замечаний со стороны гражданского общества и его вмешательства в вопросы, касающиеся его собственных рамочных условий существования. Закон об ОП РФ устанавливает определенные рамочные предписания и запреты, вытесняя ее на периферию политического процесса. В нынешнее время устойчиво формируется полукompромиссная позиция, что все-таки нужно использовать открывшуюся возможность, чтобы расширить практику «переговорных площадок» и хоть как-то закрепить сохраняющийся «коридор возможностей» для формирования демократических институтов.

В условиях перехода к задачам политической модернизации многие исследователи стали чаще выносить в центр обсуждения те вопросы в осмыслении роли гражданского общества в этом процессе, которые указывают на то, что гражданское общество — единственное средство формирования человеческого капитала и главное «хранилище» социального капитала, без чего невозможно вести речь об успешности реализации любых проектов серьезной модернизации общества [1]. Важную роль в этом отношении играют сетевые структуры, структурными элементами которых выступают, как правило, некоммерческие организации. Согласно логике ежегодных докладов Общественной палаты РФ, некоммерческие организации рассматриваются как наиболее продвинутые и современные организации гражданского общества конца XX — начала XXI столетия. И это в определенной мере справедливо. Организации «третьего сектора» — новый, динамично развивающийся сегмент современного гражданского общества, в том числе и в России. На 1 января 2009 г. этот новый сектор гражданского общества, по последним данным Росстата, включал 429,2 тыс. некоммерческих

организаций (без государственных и муниципальных учреждений), среди которых 22% занимались оказанием социальных услуг, 17% составляли культурные и образовательные учреждения, столько же правозащитные, 11% — занимающиеся развитием жилищно-коммунальных видов деятельности и т. д. [4, с. 24]. Услугами НКО при решении различного рода социальных проблем (социальное сиротство, борьба с наркоманией и туберкулезом, экологические проблемы и пр.) ежегодно пользуются 15% населения страны. НКО стали фактором и экономического роста — в их рамках создано более миллиона рабочих мест. Можно со всей определенностью сказать, что на региональном и местном уровне НКО стали инициаторами развития новой формы социального партнерства — межсекторного социального партнерства (далее — МСП) между государством, бизнесом и некоммерческим негосударственным сообществом. Глубинная его суть состоит в переходе от электоральной демократии к «демократии участия», в формировании реальных механизмов такого участия, в кристаллизации субъектов «низового» демократического движения, в способности агрегировать и артикулировать интересы местного и регионального сообщества соответствующим органам власти. Государство, особенно в условиях кризиса, не может в одиночку справиться со всем грузом социальных проблем, обеспечивая нормальные условия воспроизводства и развития человеческого капитала, а тем более социального. Исходя из сказанного, можно выдвинуть предположение, что по мере усиления инновационного типа развития возрастет роль социальной сферы и будет расширяться влияние институтов гражданского общества как субъектов публичной политики. Согласно исследованиям Р. Ингелхарта и Р. Патнэма [12] постиндустриальные страны требуют формирования новых общественных организаций — некоммерческих, более мобильных и чувствительных к социальным изменениям, а традиционные институты гражданского общества (партии, религиозные организации, профсоюзы) утрачивают свое значение. При этом в тех же странах наблюдается довольно быстрый рост социального капитала в децентрализованных неиерархических структурах гражданского общества, которые, как правило, являются не очень большими, компактными и объединяют вокруг себя узкие группы людей с общими интересами. Эти институты развиваются в постиндустриальном обществе достаточно быстро. По данным многих социологических исследований, именно они приобретают все большее влияние. И если в долгосрочной перспективе в России этого не будет происходить, то, как минимум, это будет косвенно свидетельствовать о замедлении модернизации и неспособности перешагнуть через порог, который отделяет индустриальное общество от постиндустриального. Новые формы социального партнерства, которые продуцируют новые общественные движения, основой которых являются НКО, способствуют формированию инновационно-реформаторских слоев и групп общества, укреплению основ его консолидации и качества социального капитала, без развития которых

невозможно решение задач системной модернизации. Последние исследования 1990-х гг. Р. Патнэма показали существенную связь социального капитала с существованием гражданского общества. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, он пришел к выводу, что материальное благосостояние не является причиной развития социального капитала, наоборот, экономический рост происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность.

Серьезный вред развитию некоммерческого сектора нанесло ужесточение законодательства (печально известный Закон № 18-ФЗ). Президент Д.А. Медведев, выступая с критикой закона, подчеркнул, что законы об НКО уже нанесли достаточно урона, подогревая скрытое враждебное отношение бюрократии к общественным организациям. Весной 2009 г. Д.А. Медведев сам предложил либерализовать законодательство об НКО. Президент намерен создать в России нечто похожее на благотворительные союзы и закрепить институт общественно полезной деятельности в российской правовой культуре. Есть вероятность, что начавшаяся в 2009 г. либерализация правовых рамочных условий для общественных организаций приведет к возрождению кооперации и реального диалога.

Некоммерческий сектор уже почувствовал позитивные сигналы со стороны государства и политической системы в целом по улучшению своей нормативно-правовой базы и принципов конструктивного партнерства с государством. В частности, реализация Закона № 40-ФЗ о социально ориентированных НКО — это, по мнению многих экспертов, создание определенного «рычага давления для изменения общества», что предполагает отбор и тиражирование успешных технологий деятельности НКО через реализацию федеральной Программы поддержки социально ориентированных НКО.

Российские НКО сегодня меньше всего допускают факты политизации в своей активности, больше настроены на реальное и конструктивное сотрудничество, существенно повысили уровень своего внутриорганизационного менеджмента и качества предоставляемых услуг. Более того, как показывают последние исследования видного эксперта в области межсекторного социального партнерства (далее — МСП) В.Н. Якимца, за последние два — три года нормативно-правовое обеспечение реализации механизмов и технологий МСП продвинулось практически во все 83 субъекта РФ, а раньше в четверти регионов страны они отсутствовали [10]. Министерство экономического развития РФ проводит ежегодные конференции по мониторингу и анализу развития институтов взаимодействия НКО и органов государственной власти для оптимизации социальной политики и проявления гражданской и деловой инициативы в регионах России [6].

Изменение законодательства о НКО в части мер, направленных на улучшение экономических условий деятельности НКО (развитие благотворительной

деятельности и добровольчества, налогообложения и бюджетного финансирования НКО, целевого капитала общественных организаций и преференций при участии в государственных торгах и тендерах) позволит создавать НКО-сектору страны не 0,5% валового внутреннего продукта (как в настоящее время происходит в России), а до 15-17% ВВП (как в Нидерландах). Так что поддержка НКО выгодна государству. Налоговые льготы для некоммерческого сектора обойдутся бюджету в копейки в сравнении с другими статьями, тогда как эффект от социальной деятельности общественных организаций в условиях экономического кризиса несоизмеримо больше. Расширение возможностей для гражданского контроля даст возможность более эффективно расходовать средства федерального бюджета. С помощью гражданского контроля можно спасти бюджетные средства, оседающие в карманах коррупционеров. И самое главное, поддержка активной социальной деятельности НКО позволит сформировать устойчивую мотивацию для реализации модернизационных проектов. А это важный шаг на пути предотвращения имитации системной модернизации общества.

Эффективное взаимодействие активного гражданского общества и сильного государства — важнейшее условие гармоничного развития обоих. Глубокие сдвиги на рубеже XX — XXI вв. вывели Россию из ситуации, когда политический режим ставил почти непреодолимые препятствия широкой гражданской самоорганизации. Вместе с тем взаимоотношения структур гражданского общества и государственных органов пока далеки от идеала. Основная причина в том, что в стране еще не завершился процесс становления как зрелого гражданского общества, так и сильного, эффективного демократического государства, хотя в основном они уже сложились. Далеко не весь спектр законных интересов и повседневных забот граждан находит выражение в деятельности оформленных сообществ и запросах, которые они предъявляют к органам власти.

Со своей стороны, далеко не все государственные и муниципальные органы заинтересованно работают с общественными структурами. Более того, деятельность государственного аппарата в целом не удовлетворяет ни общественность, ни политическое руководство страны. Это неоднократно подчеркивалось в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Один из наиболее действенных факторов улучшения работы госаппарата и искоренения коррупции — контроль со стороны общественных структур, разумеется, при условии, что он осуществляется компетентно и ответственно. Во многом успешность политической модернизации зависит от качества государственного управления. Сегодня уже не оспаривается, что решающая роль в процессе трансформации должна принадлежать государству, потому что именно в государственной сфере возможна «поддержка идентичности социального

целого в его движении от прошлого к будущему» [14, р. 451]. Но какова сегодня российская государственность? Исследования, проведенные социологической лабораторией РАГС, показали, что существующая политико-административная система самодостаточна, носит самовоспроизводящийся характер и в этом качестве тормозит демократическое и социально-экономическое развитие страны. Данные опросов подтверждают, что ценности солидарности, взаимности, консенсуса не обладают сколько-нибудь значимыми регулятивными функциями в российском обществе. В этих условиях формируется система неформального согласования интересов, прав и обязанностей, основанная, естественно, не на законе, а на коррупционных отношениях и «диком лоббизме». Функции государства узурпируются разного рода кликами, которые не признают общепринятых норм гражданской и правовой культуры. Совокупность подобных клик образует сеть отношений, масштабы которой позволяют определить ее как теневое государство. Это ставит под вопрос возможность трансформации российского социума в современное гражданское общество с развитой правовой культурой и становления в нем цивилизованного корпоративизма [4, с. 10].

Таким образом, проблема формирования сильной, эффективной государственности, столь необходимой для успешной реализации проектов политической модернизации, состоит в том, что административный тип власти не только автономен и устойчив, но и носит экспансионистский характер. Это означает, что бюрократическая модель властвования не только действует в рамках административной функции, но и способна захватить ту часть государственной власти, которая должна жить по законам политической логики властвования. В мире, состоящем из сложных организаций, административный тип власти может копироваться через впитывание основной матрицы этой власти всеми институтами общества и создавать тем самым определенный тип общественной организации, стиль жизни, позволяя говорить о бюрократическом типе общества, о бюрократическом ритме его развития.

Если администрирование в этих условиях окончательно возьмет верх над политикой, то попытки отстроить жесткую вертикаль власти приведут к утрате чувствительности к сигналам обратной связи, особенно, если они несут с собой нежелательную, неприятную информацию. Жесткая властная вертикаль станет неповоротливой и негибкой в условиях высокودинамичного общества. В результате возникает угроза распада системы саморегуляции.

Применительно к сегодняшней России неуместен спор, должно ли государство направлять развитие гражданского общества либо гражданское общество призвано максимально ограничивать государство. Фактические данные свидетельствуют о том, что граждане ожидают и от государства, и от граждан-

ского общества гораздо большей активности и эффективности, считая необходимым их равноправное партнерство.

Гражданское общество, будучи средством формирования и продвижения социального капитала, является мощнейшим ресурсом политической модернизации, главная опасность в осуществлении которой — имитация. Авторитарные методы могут быть эффективным инструментом преодоления хаоса, выхода из кризиса. Но только в том случае, если ясны цели, задачи и методы такого процесса. Однако жесткие методы неприемлемы в сложных ситуациях, когда не только отсутствуют проверенные технологии решения проблем, но не ясны сами стратегические цели. Именно поэтому все развитые государства мира существуют в демократических системах ценностей, имеют демократическую политическую систему. Управленческие системы, где люди отчуждены от власти, где их духовно-нравственные потребности и интересы в значительной степени игнорируются и подавляются, неуклонно разрушаются, хотя и такие системы способны существовать довольно долгое время. К сожалению, именно проблемы определения стратегий развития, ценностных ориентаций общества представляют главную проблему страны. Именно поэтому так опасны в длительной перспективе авторитарные тенденции в формировании политической системы России, игнорирования и подавления гражданских институтов и субъектов. Особенно для судеб политической модернизации. Россия опять на распутье.

Библиографический список

1. Аузан А. Национальная формула модернизации. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009>.
2. Левада-центр: Общественное мнение-2008. М.: Левада-Центр, 2008.
3. Мерсиянова И. В. Тенденции развития гражданского общества (по результатам эмпирического исследования). М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
4. Митрошенков О. Граждане не заметили диктатуры закона // Независимая газета. 2003. 11 февр.
5. Патнэм Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4.
6. Практика межсекторного взаимодействия. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. М.: Минэкономразвития, НИУ-ВШЭ, 2010.
7. Сморгунов Л. В. Государство и политика модернизации: доклад на Всероссийском Семинаре «Политическая модернизация в России: между авторитарным и демократическим выбором». Курск: Курский гос. ун-т, 2010.
8. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 2010. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/print>
9. Токвиль А. де Демократия в Америке. М., 1992.

10. Якимец В.Н., Исаева Е.А. Рейтинг субъектов РФ по продвижению Механизмов межсекторного социального партнерства и описание нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность гражданского общества в Ярославской области // Оценка состояния и развития гражданского общества России. Проблемы, инструменты и региональная специфика/Труды института системного анализа РАН. М., 2010. Т. 57.
11. *Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy. New York, 1993.
12. *Putnam R.* Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // *Political Science and Politics*. 1995. Vol. 28, №4.
13. *Rhodes R.A. W.* The New Governance without Government. In: *Understanding Governance Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability*. Maidenhead: Open University Press. 2003.
14. *Touraine A.* Modernity and Identity // *International Journal of Social Science*. 1988. Nov. № 118.